

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**КТО НЕ ВЫЖИЛ,
Я НЕ ВИНОВАТ**

Владимир Григорьевич Колычев
Кто не выжил, я не виноват
Серия «Колычев. Лучшая
криминальная драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64026311
Кто не выжил, я не виноват: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118266-3

Аннотация

После ухода в запас пограничник Родион едет в Москву, чтобы увидеться с Тамарой, писавшей ему письма в армию. Однако при встрече выясняется, что девушка не ждала Родиона, у нее давно есть и молодой любовник, и тайный поклонник в лице директора фирмы, в которой она работает. Но Родион не собирается отступать. Он решает во что бы то ни стало добиться руки и сердца Тамары. С этого момента судьба начинает по-настоящему испытывать его на прочность: неожиданно Родион становится главным подозреваемым в криминальной истории с двумя убийствами...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Владимир Колычев

Кто не выжил, я не виноват

© Колычев В.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**КТО НЕ ВЫЖИЛ,
Я НЕ ВИНОВАТ**

МОСКВА
2021

Глава 1

Коэффициент полезного действия измеряется в процентах. Допустим, ты заработал двести штук, на руки же получил сто. Значит, пятьдесят процентов потенциального дохода прошли мимо твоего кармана.

А коэффициент полезного бездействия измеряется в единицах. Родион мог бы вообще не служить, но нет, в двадцать три года совесть вдруг взяла его за живое, и он сам отправился в военкомат. В данном случае такой коэффициент был равен двум. Речь идет о годах, вычеркнутых из жизни.

Существует еще коэффициент бесполезного действия, но это снова про армию.

А сто тысяч рублей на руки Родион, было время, получал. Иной раз даже сто пятьдесят в месяц. За два года он мог бы на дом заработать, вернее сказать, на стройматериалы, остальное все сам, своими руками. Отца бы на помощь позвал, брата. Жаль, не заработал, не построил, а дом ему нужен, надо же где-то с молодой женой жить.

Скоро она у него будет. Поезд уже прибыл на вокзал. Народ толпился у выхода из вагона, тащил с собой чемоданы с несвежими вещами, пляжные сумки с остатками курортного настроения. Люди домой возвращались, с яркого юга в серые будни. Загорелые, соленные от морской воды.

Родион тоже с юга. Два года границу охранял, в горах,

но с видом на море. Закончилась служба, он уже находился в Москве, но курортное настроение еще только разгоралось. Парень с небольшой спортивной сумкой на плече стоял у окна вагона и высматривал Тамару, царицу своего сердца, как он называл ее в письмах.

С Тамарой он был знаком всего полчаса, не больше. Ровно два года назад все произошло. Команду везли из Новосибирска, в Москве была пересадка. Здесь, на вокзале он ее и увидел. Двадцать три года ему тогда уже было, взрослый парень, а вокруг салажье. Вот ему и захотелось задать форсу.

Тамара кого-то проводила, шла по перрону, думая о чем-то своем. Родион увидел ее, набрался храбрости, перехватил, но тут его вдруг заклинило, он ни слова сказать не мог. Хорошо, что рядом никого из приятелей не было, а то засмеяли бы.

На самом деле Родион умел знакомиться с девушками. Просто Тамара произвела на него чересчур уж сильное впечатление. Он вдруг понял, что с его шестом такую высоту не взять. Но ничего, парень кое-как размахнулся, прыгнул и даже взял приз – домашний адрес и право на переписку. Смешно это или нет, но Тамара все два года отвечала на его письма, говорила, что ждет. Даже на вокзал пообещала приехать, встретить.

Только вот что-то не видно было ее на перроне, а она не из тех, кто может затеряться в толпе. Наверное, опоздала, а может, что-то похуже. Родион в любом случае должен был

встретиться с ней и поговорить. Два года она ему снилась, каждую ночь.

Из вагона Родион выходил вслед за полным мужчиной, загруженным под завязку. Чемодан, дорожная сумка и еще куча всяких пакетов. Свободное место у него было только на голове.

Этот дядечка вывалился из вагона прямо на худенького чернявого паренька, который даже не подумал посторониться, даже руку не отвел, в которой держал эскимо. Мужчина мог сбить его с ног и запачкать футболку шоколадом, но пареньку хоть бы хны.

– Девушка! – возмущенно протянул толстячок, с трудом погасил скорость и сам сдвинулся в сторону, обходя препятствие.

Да, это действительно оказалась девушка, юная брюнетка с короткой стрижкой, угловатой фигурой и совершенно плоской грудью. Плечики узкие, руки тонкие, ножки как спички в брючках. Ей совершенно не нужен был бюстгальтер, да он под белой футболкой и не просматривался.

Родион не разгонялся. Весил он всего семьдесят килограммов при своих ста восьмидесяти роста, поклажа его не тяжелила, поэтому ему практически не пришлось гасить инерцию. В сторону он сдавать сразу не стал, остановился перед щуплой брюнеткой, окинул ее насмешливым, напористым взглядом. Нельзя ей стоять в проходе, мешать людям высаживаться на родную землю. Чем скорее она это поймет,

тем лучше будет для всех, для нее в том числе.

Девушка назад не сдала, но кое-чего Родион все-таки добился. Она отвела в сторону руку, в которой держала мороженое. Парень не удержался, забрал у нее эскимо, чтобы ей хоть как-то насолить.

При всей своей худобе девушка не похожа была на чахоточную, и запущенной, оголодавшей не выглядела. Прическа короткая, с блеском свежeweмытых волос, ногти подстрижены, но лак на них высох совсем недавно, легкий запах духов, чистая футболка. Яркие маленькие жемчужинки в тонких, просвечивающих ушках.

На вокзале жарко, да и в поезде было душно. Родион и не понял, как впился зубами в эскимо.

– Молодой человек! – донеслось из-за спины.

За Родионом следовала нервная грузная женщина с большим чемоданом на колесиках. Этот багаж мог опуститься ему на голову.

Брюнетка даже не глянула на нее.

– Ты Родион? – спросила она.

Мороженое ушло из ее рук, но девушка продолжала жевать. Теперь уже это была резинка.

– Ну, допустим, – ответил он, нахмурился, взял брюнетку за локоть и слегка сдвинул ее в сторону.

Женщина с чемоданом задела его тяжелым плечом и пошла по перрону.

– А форма где?

Родион похлопал по своей сумке. Двадцать пять лет ему, слишком взрослый он для того, чтобы бравировать в форме с тремя сержантскими лычками на погонах. У них замести-тель командира погранзаставы капитанское звание досрочно получил, а он тоже четверть века разменял совсем недавно. Со звездочками на погонах можно было бы щегольнуть перед Тамарой, а без них лучше в гражданке. Футболка у Родиона новая, джинсы вполне приличные на вид, кроссовки не совсем еще убитые.

– Ты кто такая? – осведомился он, недоуменно глядя на девушку.

– Тамара, – продолжая жевать, с насмешкой во взгляде сказала она.

– Не понял.

– На самом деле Вика.

– Пожалей мою голову. – Родион приложил ладонь к затылку.

– А я тебя по мороженому узнала.

– По мороженому?

– Отобрал, откусил. Так только солдат оголодать может, – с усмешкой проговорила она.

– Или зэк.

– На самом деле я тебе по фотографии узнала. Ты ведь мне письма писал. А я тебе, так уж и быть, отвечала.

– Так уж и быть? – растерянно пробормотал он.

– Твоя фотография мне не нужна была. А вот за собаку

спасибо. — Девушка изобразила реверанс, насмешливо глядя на Родиона.

При этом она смачно жевала резинку, без устали двигая челюстями.

— Мухтар на заставе остался, — проговорил Родион с полным безразличием к овчарке, с которой фотографировался для Тамары.

Голос его звучал, как лучина догорала. Мысли в голове напоминали едкую копоть. Не Тамара ему писала, а какая-то Вика. Но почему так?

— Ничего, я тебя вырезала, а его в рамку вставила и на стену повесила.

— Очень смешно.

— А чего не смеешься?

— Да вот думаю, что на Тамару ты не похожа.

— Не знаю.

— Что ты не знаешь?

— Не видела я твою Тамару.

— Не видела?

— Она тебе мой адрес дала.

Родион не знал, что сказать. В горле у него пересохло от волнения и чувства унижения. Тамара жестоко посмеялась над ним, дала чужой адрес. Что на ум ей пришло, то и сделала, а он как дурак мечтал о ней целых два года.

Но и Вика эта тоже хороша.

— У меня Ленька в армии служит, так я сначала тебе пись-

мо, так, чисто потренироваться, а потом уже ему, начисто, без ошибок. – Вике явно нравилось потешаться над ним.

– Я рад за тебя, – сказал Родион и повернул голову в сторону вокзала.

Тамары нет, а без нее в Москве неинтересно. Сейчас пойдет в кассу и возьмет билет на первый же поезд до Новосибирска. Там сейчас отец и брат, заказ у них, квартиру в новостройке отделявают. Родион недельку отдохнет, присоединится к ним и будет пахать с утроенной энергией. Чтобы за год трехлетний план выполнить и дом поставить. А жено он как-нибудь и в Новосибирске найдет.

– А ты Леньку моего не видел? – спросила Вика.

– Леньку твоего?! – Родион глянул на нее как на досадную помеху, из-за которой он не мог пройти в здание вокзала.

– Он тоже сегодня из армии возвращается. Я и тебя пришла встречать, и его.

– Откуда он возвращается?

– Я же говорю, из армии.

– Армия – понятие растяжимое.

– Еще как. Ленька из армии Израиля возвращается. Он там два года женщиной служил, – весело, с насмешкой сказала Вика.

– Кем служил?! – Родион с недоумением глянул на нее.

Она сумасшедшая или просто дурачит его себе на потеху.

– А ты не знал, что в Израиле женщины служат?

– Ты дура?

– Ну, спасибо! Я тебе два года в любви признавалась.
К Леньке.

– Нет никакого Леньки! – отрезал Родион.

Он сомневался в этих своих словах, но голос его прозвучал уверенно. Хотя бы потому, что ему все равно было, существует Ленька или нет. Да и на Вику с высокой колокольни.

Вот про Тамару парень не сказал бы так. Она, конечно, обманула его, но без нее жизнь превратится в пустышку. Даже сейчас, вне себя от обиды, он чувствовал это.

– Тамара – моя сестра, – заявила Вика. – Родная. На самом деле она тебе правильный адрес дала.

– Ты сама себе веришь?

– Только по четным числам. Сегодня пятнадцатое июня.

Нынче ты мне должен верить.

– Не верю. – Родион отрицательно качнул головой.

– А должен! – Вика посмотрела на него с искренним возмущением.

– Хорошо, я тебе верю, – сказал он, повернулся и пошел по перрону, стараясь выкинуть из головы эту Вику, а еще лучше – Тамару.

– Куда ты?

– В армию Израиля.

– Ты считаешь себя женщиной?

Родион остановился, развернулся к Вике.

– Неужели я такой глупый и коварный? – Он едва не ска-

зал «подлый», думая о Тамаре.

Возможно, Вика действительно приходилась ей сестрой, и она дала Родиону правильный адрес, но разве это оправдание? Тамара жестоко посмеялась над ним, если отдала сестре его первое письмо. Не исключено, что она его даже не прочла.

– А кто глупый? Наверное, я, да? – с возмущением спросила Вика. – Я писала тебе глупые письма?!

– Нет, письма не глупые. Но Тамара меня не ждала.

– Я тебя ждала!

Видимо, для того чтобы придать своим пафосным словам побольше лиризма, Вика шумно выплюнула жвачку и даже с кислым видом проследила за ее полетом.

– Да, но я писал Тамаре.

– А она тебя обманула, да?

– А разве нет?

– Просто она не собиралась тебе отвечать. То есть хотела, но твое письмо слишком долго шло. А Эдик появился быстро. Короче, Томка потеряла голову! – проговорила Вика и достала из кармана пачку жвачки с таким видом, как будто саблю из ножен вынимала – для него.

– Это плохо, – с чувством нарастающей обреченности обронил Родион.

– Ты должен поговорить с Эдиком! – сказала Вика и забросила в рот сразу две жевательные подушечки.

– А это поможет? – осведомился Родион.

Он просто не имел права винить Тамару в измене. Парень знал ее полчаса, не больше. Она дала ему всего лишь свой адрес, но никак не слово ждать и любить.

Ждать обещала за нее Вика, но это не считается. Так что если есть такая возможность, то Родион должен был начинать все заново, отшить кавалера и занять его место. Все-го-то.

– А вдруг?..

– Ты в этом не уверена. – Родион усмехнулся, почесал щеку.

У него самого не было никакой уверенности в том, что разговор по душам с каким-то Эдиком тут поможет. Намнет он ему душу и ребра, а дальше что? Тамара не вещь, чтобы ее судьба решалась в спорах и драках.

– Да Эдик сам в себе не уверен. Два года Томку мурыжит. Сегодня любит и замуж зовет, завтра передумывает. Нужно его как-то подтолкнуть. Вдруг женится.

– Кто его должен подтолкнуть? – полюбопытствовал Родион и насмешливо повел бровью.

Он знал ответ на этот вопрос, но удивления не испытывал, понимал, с кем имеет дело. У Вики серьезно хромала логика. Или же она по-прежнему издевалась над ним.

– Ты с ним и поговоришь.

– Рука у меня тяжелая.

– То, что нужно, – заявила Вика.

– Вдруг у него в голове переключит, и он на тебе женится?

– Я не скажу, что хочу за него замуж. Но, в принципе, почему бы и нет?

– Сделаешь человека несчастным, как потом жить с этим будешь?

– Ну так я не брезгливая, стерпится – слюбится.

– Эдика несчастным сделаешь. От твоей болтовни любой мужик с ума сойдет.

– Да? А мы с ним письмами общаться будем. Я как раз на тебе руку набила.

– Осталось еще только немного подрасти, – с усмешкой проговорил Родион.

– Кому?

– Угадай с трех раз. Рано тебе замуж.

– Вообще-то, мне уже восемнадцать, – сказала Вика и, чтобы подтвердить свою зрелость, надула пузырь из жвачки.

Родион пожал плечами, смерил ее взглядом. Он уже не раз встречал людей, которые в свои восемнадцать лет выглядели на четырнадцать. Бывало и наоборот.

– А на голову сколько?

Вика сжевала пузырь, немного подумала и подняла средний палец, показывая ему «фак».

– Один годик!

– Думаю, что побольше, – с издевкой утешил ее Родион.

– Это говорит человек, который признавался мне в любви, – проговорила девчонка и вздохнула.

– Признавался, но не тебе.

- Что скажет Тамара?
- Я могу ее увидеть?
- Если я скажу да, ты мне поверишь?
- Я буду очень стараться.
- А если она скажет нет?
- Эдику?
- Эдику она не скажет.

Родион исподлобья глянул на Вику.

«Скорее всего, у меня нет никаких шансов, но я все равно должен увидеть Тамару. Нельзя уезжать домой, не повидав ее», – подумал он.

Рабочий день был на исходе, но директор и не думал собираться домой. Александр Павлович мог работать круглые сутки. Прежде он довольно часто так и поступал.

Тамара даже застала эти трудные времена, когда предприятие выходило на новый уровень, расширялось. Крутились все, не знал покоя и планово-экономический отдел, куда девушка устроилась сразу после университета. Сначала было тоскливо, затем она втянулась, а вскоре даже почувствовала вкус к работе.

Предприятие продолжало двигаться вперед. Рос пассажиропоток, увеличивался объем грузоперевозок и, конечно же, расширялся автопарк. Старые машины заменялись новыми. Тамара знала, как это происходило.

Александр Павлович Мигайлов теперь и сам стал другим

человеком. Потертая кожаная куртка окончательно уступила место элегантному пиджаку из тонкого текстиля. Процесс был отлажен, система работала без сбоев. Мигайлов мог почитать на лаврах, сидеть в кабинете. Под чутким и даже ревностным присмотром со стороны смазливой секретарши.

Кабинет у него после ремонта, мебель из итальянского салона, кресло из буйволиной кожи. Рабочий день заканчивался, но его вовсе не тянуло домой, ему и здесь было хорошо. Вряд ли он упивался своим могуществом, но дискомфорта в присутствии подчиненной точно не испытывал.

– Тамара, сколько лет мы уже вместе? – спросил Мигайлов.

Он медленно поднялся, сцепил руки в замок, вытянул их, слегка выгибая спину. Давал понять, что устал. Мол, неплохо было бы мне отдохнуть.

– Осенью четыре года будет, – с подозрением глядя на него, сказала Тамара.

– А мы с тобой даже ни разу по душам не поговорили, – сказал он и в раздумье провел пальцами по дверце бара, как будто собирался достать оттуда бутылку коньяка.

– Ну почему же? – Тамара с подозрением посмотрела на шефа.

Красавцем его мог назвать только законченный подхалим. Черты лица грубые, лоб низкий, нос широкий, челюсть тяжелая. Зато он был рослый, сильный. Лишний вес еще только намечался, и это к сорока годам, когда очень многие мужчи-

ны уже не знают, что делать со своими пивными животами.

Мигайлов следил за собой, хорошо одевался, даже пытался оттачивать манеры, чтобы не казаться деревенским мужланом, каким он был еще совсем недавно. Пахло от него дорогим одеколоном. Притягательного в нем было больше, чем отталкивающего. Но все же до идеала мужчины он откровенно не дотягивал.

– Ты говори, не молчи. – Мигайлов иронично сощурился, вкрадчиво глянул на нее.

– Вы многому меня научили, – сказала она и замялась, лихорадочно вспоминая, какие такие мудрые наставления он ей давал.

В основном это были упреки, укоры. На похвалы босс, как правило, скупился, хотя и такое случалось.

– Например?

– Я вам статистику по всем звеньям управления дам.

– Статистику?.. – Он совсем не прочь был повторить последнее слово в ее фразе, причем не просто так.

Она это чувствовала.

– Перспективные и текущие планы. – Тамара пожала плечами, не зная, что говорить.

Сейчас Мигайлова не интересовали ни планы, ни статистика, ни оценка эффективности предприятия. Сладкого ему захотелось.

– Планы – это хорошо. – Он не стал доставать коньяк, подошел к Тамаре, встал у нее за спиной и мягко коснулся

пальцами ее плеч, как будто собирался делать массаж воротниковой зоны. – Ты хочешь спросить, что у меня в планах на ближайшее будущее?

Его пальцы пришли в движение. Руки сильные, а движения мягкие, но при этом глубокие. Как будто его учили делать массаж большие знатоки своего дела. Прикосновения теплые, приятные, но Тамара не собиралась качаться на волне, которую он запустил.

– Александр Павлович!.. – предостерегающе произнесла она.

Шаловливые пальцы замерли.

– Да, я Александр Павлович.

– Александр Павлович, я вас очень уважаю.

– Это хорошо. Даже очень.

– Я хотела бы уважать вас и дальше.

– Замечательно.

– И чтобы вы меня уважали!

Тамаре пришлось повысить голос, только тогда Мигайлов убрал руки.

– Я тебя уважаю, Чаянова. Буду еще больше уважать, если ты станешь начальником отдела.

Тамара промолчала, сжала зубы. Она понимала, к чему клонит начальник. Сначала намек, затем предложение. Если она правильно все поняла, то сегодня будет постель, а завтра – приказ о назначении. Или Мигайлов потеряет к ней интерес.

Тамара хорошо помнила, как было у них с Эдуардом. Она целых полгода держала его на дистанции. Он готов был на все, чтобы добиться своего, с родителями ее познакомил. Они даже заявление в загс подали. Тамаре нужно было держаться до победного конца, а она взяла да уступила. Вспомнила, как с Мишей чуть ли не целый год жила, и сдалась Эдуарду на милость. Совесть вдруг взыграла.

После той ночи Эдуард к ней охладел. Заявление в загсе вдруг затерялось. Эдуард сказал, что отец поставил ему условие. Дескать, сначала степень магистра, а затем уже свадьба. Тамара сделала вид, что поверила.

Но с Эдуардом она должна была раскрыться, все-таки он был ее парень, а она уже давно не девочка. А с Мигайловым все по-другому. От нее, конечно, не убудет, но по всем коридорам пойдет слух, что Тамара Мигайлова – шлюха. Даже секретарша Милочка смеяться будет. Наташа из диспетчерской пальцем будет тыкать, хотя кому она только маршрутные листы в свою постель ни подписывала. Там и Мигайлов в былые времена побывал.

– Сама видишь, компания растет, деловые связи крепнут, – сказал Мигайлов, приблизился к своему креслу, вскинул руку и до хруста в пальцах сжал кулак. – Пора задуматься о создании отдела организации труда и заработной платы.

– Я могу составить обоснование, – тихо сказала Тамара.

Мигайлов прошел мимо своего кресла, сделал круг в обход стола и снова оказался у нее за спиной.

– Ты могла бы стать начальником отдела, – заявил он.

Тамара резко поднялась, развернулась к нему лицом, едва не опрокинув стул, на котором сидела, и выпалила:

– Я могу стать начальником отдела. Где-нибудь. Но я никогда не стану шлюхой. У вас.

Она не связана была с компанией контрактом и могла уволиться в любой момент. Ей всего двадцать шесть, и она еще найдет себя в этой жизни.

– А кто предлагает тебе?.. – Мигайлов осекся, не договорил и отвел взгляд в сторону.

– Я могу идти?

Он кивнул, обиженно глядя в окно, и махнул рукой на выход.

Тамара направилась к двери в ожидании приговора. Но Мигайлов так и не сказал: «Ты уволена».

Увольняться Тамара не хотела. Работа у нее, может, и беспокойная, зато вполне комфортная. И зарплата хорошая. А главное, от дома недалеко, всего четыре остановки на трамвае.

Тамара едва не проехала свою остановку, всю дорогу думала о размолвке с начальником. Похоже было на то, что Мигайлов окончательно выбился в люди, почуял запах большой власти, барскими замашками стал обрастать. Ему теперь не только казнить и миловать можно, но и унижать подчиненного. Раньше он только посматривал на Тамару, а сейчас чуть

ли не прямым текстом в постель пригласил. Самое страшное, что везде так.

Все так же, в тягостном раздумье, Тамара зашла в подъезд, на лифте поднялась на свой этаж, на автопилоте открыла дверь и вздрогнула, когда из своей спальни ей навстречу вышла Вика.

– Ты чего такая чумная? – спросила сестра с фирменной своей насмешкой, происходящей не от большого ума.

– Да так, задумалась.

– Задумалась она! – Вика пальцами взяла ее за щеки, заставила посмотреть себе в глаза.

Опять на нее что-то нашло. Тамара давно уже привыкла к странностям сестры и научилась не придавать значения ее манипуляциям.

– Губы можешь не подкрашивать, а то он подумает, что ты любишь это дело.

– Какое дело? – Тамара и пыталась, но не смогла сохранить невозмутимость.

– А кто подумает, это не важно? – спросила Вика.

Из комнаты вышел высокий загорелый парень, лицо которого показалось Тамаре знакомым. Высокий лоб, прямой нос, широкие скулы, прямоугольный подбородок, маленькие, близко посаженные глаза.

– Никто ничего не думает, – сказал он и с бодрой, но вместе с тем и виноватой улыбкой глянул на Тамару.

– Родион?

– А ты сомневаешься, да? Вроде как два года письма мне писала. – В его голосе чувствовался укор, который он пытался скрыть.

– Я не писала.

– И не думала.

Тамара с досадой глянула на Вику. Она все помнила и даже в чем-то была виновата перед Родионом. Но вовсе не обязательно было тащить его в дом. Ей вовсе не хотелось выслушивать его претензии. В конце концов, между ними не было никаких обязательств. Свой адрес она ему дала скорее из жалости, чем из симпатии. Несчастные призывники уходили в армию, и в лице Родиона Тамара пожалела их всех.

– Почему я должна была думать о тебе?

– Я не нарушил твой покой? – с непонятным сарказмом спросил Родион.

– Нет, ты не нарушил мой покой.

Тамара смотрела на него с раздражением, но вместе с тем и с интересом. Было в нем что-то этакое, незаурядное, привлекательное. Взгляд ясный, открытый, чтобы душа была видна на всю ширину. Черты лица правильные, даже в чем-то породистые. Но ему явно не хватало утонченности. Мanners далеко не изысканные. Повадки простого парня, не избалованного ханжеским воспитанием и стремлением к надуманным высоким идеалам. Его бы обтесать, отшлифовать, но так ведь не захочет.

«Или я смогу его уговорить?»

Эта мысль мелькнула где-то в глубине ее сознания, высекла искру интриги, но тут же погасла. Что-то не было у Тамары желания браться за Родиона.

– А кто-то нарушил, да? – осведомился Родион и глянул на Вику так, как будто искал у нее подтверждения тем словам насчет Эдика.

Тамара же посмотрела на сестру с укором. Вике вовсе не обязательно было посвящать Родиона в подробности ее личной жизни.

Как это ни странно, Родион понял все правильно, но молчать не стал.

– Это меня не касается? – спросил он.

– Надеюсь, ты покормила гостя? – Тамара не без ехидства глянула на сестру.

Вика не могла накормить даже саму себя. Это ведь нужно в холодильник лезть, колбасу из свертка доставать, резать, накладывать на хлеб. А горячий бутерброд – так это вообще из области фантастики. В этом случае придется еще и с тостером немного повозиться.

– Так тебя ждала.

– Ждала или ждали?

– Да я уже все, ухожу, – заявил Родион.

– Он уходит, – сказала Вика и кисло глянула на старшую сестру.

– Ну что ж... – Тамара слегка замялась, не зная, что сказать. – Рада была увидеть тебя.

Родион усмехнулся и с едким прищуром посмотрел на нее. Она рада была избавиться от него, но никак не увидеться с ним. Если эта особа способна обманывать в малом, то в большом ей верить точно нельзя. Лживая она и даже коварная, а может, и еще хуже.

Именно так Тамара и расшифровала его взгляд, и ей вдруг стало стыдно. Нет, она, конечно, не ангел, но и лживой дрянью никогда не была. А шлюхой тем более.

– Может, чаю на дорожку попьешь? – спросила девушка.

– Даже чаю не попью, – все с той же усмешкой ответил Родион.

Тамара качнула головой, глядя на него. Сейчас он уйдет и всю свою длинную жизнь из-за какого-то короткого разговора будет считать ее стервой. Она не хотела, чтобы этот парень о ней плохо думал.

– Сейчас ужинать будем, – упрямо сказала Тамара.

– Я же говорю, пора мне.

– А если я очень хорошо попрошу?

Родион кивнул, соглашаясь немного задержаться. Тамара с удивлением для самой себя облегченно вздохнула. Еще несколько минут назад она не думала об этом парне, а сейчас готова была удерживать его силой. Не должен он уйти, во всяком случае, сейчас. Знать бы еще, почему это для нее так важно.

Глава 2

Халат на Тамаре длинный, плотно запахнутый, лишь с легким намеком на декольте, но сексуальность ее тела просачивалась через плотный шелк так же легко, как сок сквозь марлю с мятой вишней. Родион курил на балконе, а она стояла в дверях с затаенной улыбкой на губах. Он смотрел на нее с таким волнением, как будто она зашла к нему в спальню, чтобы снять этот самый халат. Вечер, но на улице светло. На юге в это время уже темно, а Москва географически куда ближе к белым ночам.

Родион глубоко затянулся напоследок и затушил сигарету, чтобы не дымить на Тамару.

– Ты часто не кури, – сказала она и взглядом показала вниз. – А то у нас тут соседка.

– Все, до завтра не буду.

Родион не хотел оставаться на ночь, но Тамара настояла. Она и ужином его накормила, и в душ отправила. Вику к себе в спальню забрала, освободила для него комнату.

Родители у них пропадали на даче, места в доме было много, но это вовсе не значило, что Родион мог поселиться здесь. Тамара ничего на этот счет не говорила, но ему и без того все было понятно. Лишний он здесь. Завтра утром иссякает лимит на гостеприимство, и вечером Родион будет уже в поезде.

Он так решил, хотя жуть как не хотел уезжать. Парень знал, что без Тамары тоска сожрет его за неделю, если не раньше.

– Завтра на вокзале покурю, – добавил он.

– Уезжаешь. – Она скорее утверждала, чем спрашивала.

– Да, родителей проведать.

– А потом?

– Работать буду.

– Где?

– В Новосибирске. У отца бригада строительная.

Тут Родион слегка преувеличил. Отец да брат, вот и вся бригада. Сам он будет третьим. Если присоединится к ним. А куда ему деваться?

– У дяди Виталия тоже бригада строительная, – сказала Тамара.

– В Новосибирске?

– Нет, в Москве. Квартиры ремонтируют.

– И мы квартиры ремонтируем. – Родион встрепенулся и замороженно посмотрел на Тамару.

Она сама заговорила о работе в Москве, значит, хочет, чтобы он остался здесь. По-другому парень понимать ее не хотел.

– Дело нужное. Рада была тебя увидеть, Родион. Спокойной ночи! – проговорила Тамара и повернулась к нему спиной, собираясь уходить.

А уйти она могла навсегда. Завтра рано утром ей на рабо-

ту, вряд ли она захочет с ним попрощаться.

– А ты не могла бы поговорить с этим дядей Виталием?

Он протянул к ней руку. Так утопленник тянется за спасательным кругом, который висит на далекой пристани.

Тамара сама должна была предложить ему протекцию, но если гора не идет к Магомету, то на лыжи нужно становиться самому.

Тамара остановилась, приложила палец к виску, медленно повернулась к нему и посмотрела на него внимательно, взыскательно, прямо как начальник отдела кадров на новичка.

– А у тебя опыт работы есть?

– Четыре года.

– Когда ты успел?

– Как это когда? Я в двадцати три года призвался.

– Значит, сейчас тебе двадцать пять, – сказала Тамара и кивнула самой себе.

– Да. И опыт большой. Руки откуда надо растут.

– Когда ты можешь начать работу? А то сперва домой, потом обратно. Так и лето закончится.

– Да хоть завтра.

– А как же родители?

– Они поймут.

– Ну, хорошо, я спрошу.

Тамара ушла, а Родион лег спать, сожалея о том, что подушка в чистой наволочке принадлежала не ей. Подушка эта хранила запах Вики, а он хотел дышать ароматом любимой

женщины.

Тамара могла позвонить своему дяде прямо сейчас. Родиону нужно было знать, уезжать ему утром или нет. Если его не возьмут на работу, то завтра он уже не будет путаться у нее под ногами. Она могла и не звонить, а просто сказать нет. И завтра утром он исчезнет из ее жизни.

Время шло, а Тамара не появлялась. Часы уже пробили полночь, когда дверь наконец-то открылась. Из коридора в спальню ввалилась Вика. Этого щуплого цыпленка с короткой стрижкой невозможно было перепутать с изящной полногрудой Тамарой.

Вика именно ввалилась в комнату. С закрытыми глазами, в режиме свободного падения она спланировала на кровать. Не сдвинься Родион в сторону, эта барышня легла бы прямо на него.

Укладываясь, она даже не прикоснулась к нему. Но когда легла, положила на него руку.

– Кто здесь? – не открывая глаз, спросила Вика.

– Я тебе не снюсь.

– Жаль. – Она убрала руку, повернулась к нему спиной.

Ночная рубашка на ней длинная, но, судя по всему, надетая на голое тело. Можно было провести рукой по ее спине, чтобы убедиться в этом, но Родиону вовсе не хотелось прикасаться к Вике. Он, конечно, чувствовал в ней женскую природу, которая должна была волновать мужское начало само

по себе, но влечения к этой девчонке не испытывал.

Однако и потребности бежать от нее как от огня у него не возникало. В конце концов, она уже совершеннолетняя. Он имел полное право лежать рядом с ней, тем более просто так, не давая воли рукам.

– А то ты меня напрягаешь, – пробормотала Вика.

– Я могу уйти.

– Хочешь поменяться со мной местами? – спросила она.

У Родиона захватило дыхание. А вдруг сестры все подстроили? Вика не перепутала комнаты спросонья, она ошиблась нарочно, чтобы поменяться с Родионом местами? Что, если Тамара ее об этом попросила, сама хотела, чтобы он отправился к ней в постель?

– Ты что, оглох?

– Я сплю, – буркнул Родион.

– Ну уж нет, это я сплю! – Вика резко поднялась, села и повернулась к нему лицом.

– Не со мной, – сказал он, закрыл глаза и повел плечами, устраиваясь поудобней.

– Еще чего! – Она тоже легла на спину, сложила руки на груди.

– Ты прикольная.

– Это комплимент?

– А тебе нужно признание в любви?

– И даром не нужно!

– Тогда чего пришла?

– Я могу уйти!

– А чего не уходишь?

– Я сейчас уйду! – Вика приподнялась на локте.

Родион закрыл глаза не плотно. Он мог наблюдать за ней сквозь щелочку между веками и видел, как она посмотрела на него.

– Я тебя не держу.

– И уйду! – заявила Вика, бухнулась на спину и затихла.

На ум Родиону почему-то пришел анекдот. «Мужчина, я вас боюсь, вы меня изнасилуете. Потому что я сама сейчас к вам спущусь».

Вика уже к нему спустилась, можно сказать, снизошла. Но бояться ей было совершенно нечего. Он точно это знал.

Какое-то время она лежала молча, потом сказала:

– Даже не знаю, зачем я тебе писала. Ты мне совсем не нравишься.

– Жаль.

– А ведь писала!

– Мне. С Ленкой заодно.

– Ревнуешь?

Не было никакого Ленки. Вика придумала его нарочно, из вредности. Но Родион не собирался делиться с ней этим своим соображением. Хотя бы потому, что ему было все равно.

– Да, к Эдику.

– Меня ревнуешь? – удивленно спросила Вика.

Родион ответил на это молчанием. Вовсе не тем, которое означает согласие.

– Тамару, да? – В голосе младшей сестры тихонько звякнула обида.

Ответом снова было молчание, но теперь как раз то самое.

– Между прочим, это я Виталику позвонила.

– Дяде Виталику? – Родион даже дернулся.

– Да какой он дядя? Ему всего тридцать два года.

– Теоретически он тебе в отцы годится.

– Ой! Сейчас оборжусь! – Вика приложила руку к животу и раздула щеки.

– И что он сказал?

– Представь себе, я не его дочь!

– Я серьезно.

– А тебя дядюшка мой усыновит. Если будешь хорошо работать. Завтра в десять он тебя в Раменском ждет. На объекте.

– Это хорошо, – взбудораженно проговорил Родион.

Не важно, кто позвонил, Тамара или Вика. Тут важен результат. Работать Родион умел. Он обязательно покажет себя, получит место в строительной бригаде, останется в Москве и получит возможность быть рядом с Тамарой.

– А Тамару завтра будет ждать Эдик, – подкинула навозу Вика.

– Это плохо.

– Он ей звонил, к друзьям, на природу зовет. На пикни-

чок.

Родион качнул головой. Эдик – это данность, с существованием которой он должен смириться. Но не с ней самой.

– На палочку шашлычка, – ущипнула его Вика.

Родион ничего не сказал, повернулся к ней спиной, накрыл голову подушкой и затих.

И пикничок будет, и шашлычок. Никуда от этого не деться. С этим придется мириться. Пока Эдик сам не превратится в шашлык. Рано или поздно Родион найдет шампур для него.

Шашлык жирный, сочный, мясо, что называется, тает во рту, есть его – одно удовольствие.

Ефим тоже жирный, но Тамара вовсе не желала пробовать его на вкус.

Поэтому она качнула головой, умоляюще глянула на Эдика и сказала:

– Да что-то не хочется.

Тамара всего лишь отказывалась играть в бутылочку. Проблему нужно было рубить в корне, пока она не дала ростки. У девушки не было ни малейшего желания целоваться с Ефимом. И лишний вес у него, и борода прокуренная, которую даже рукой неприятно трогать. Черты лица неправильные, рыхлые, двойной подбородок во всей красе.

А вот жена у этого субъекта на удивление симпатичная, даже красивая. Не совсем уже молодая, за тридцать, но хо-

роша. Фигура у нее как у девочки. Тамара парилась с ней в баньке, видела все детали. Если ее поцеловать, не стошнит, а от Ефима наизнанку вывернет. Тамара и наелась, и напилась, а когда в животе тяжесть, душевные потрясения противопоказаны.

– Тогда в карты, – сказал Эдик и глянул на Татьяну.

Она кокетливо потупила глазки. Ефим в раздумье посмотрел на нее, перевел взгляд на Эдика.

«Неужели ревнует? – подумала Тамара. А ведь он совсем не прочь был раздеть жену в присутствии Эдика. Баня у него немаленькая. Мы могли бы париться в ней все вчетвером. Именно так он и сказал. Эдику его идея понравилась, но я решительно отказалась».

– На раздевание? – спросил Ефим и буквально вонзил взгляд в Тамару, требуя согласия.

– Ну, это уж как пойдет, – ответил Эдик, одной рукой обняв ее за плечи.

– Как по маслу пойдет, – заявил Ефим, выразительно глянув на жену.

Он выпил раза в два больше, чем Тамара, и был порядком навеселе. Язык у него заметно заплетался, но взгляд, как ни странно, не стал пьяным, оставался вполне осмысленным и коварным.

– Я люблю, когда по маслу, – произнес Эдик.

– Меня сейчас стошнит, – сказала Тамара.

– Выйди на воздух.

– Мы и так на воздухе.

Они сидели на открытой веранде, продуваемой насквозь с запада на восток. Но тянул только легкий теплый сквознячок. На часах было уже десять с лишним, сумерки потихоньку сгущались. Еще не стемнело, а вечер уже стал пьяным.

– Тогда покури. – Эдик хлопнул себя по карману, в котором у него могла бы лежать пачка сигарет, если бы он курил.

– Очень смешно! – съязвила Тамара.

– Теперь верю, – проговорил Ефим, с едкой насмешкой глянув на нее.

– Во что? – не поняла она.

– В то, что вы муж и жена.

Тамара хотела возразить, но Эдик тронул ее за руку, подбивая на сговор.

– Еще какая жена! – сказал он и поцеловал ее в щеку.

– Дети есть?

– Пока нет.

– Будут! – Ефим сально подмигнул Тамаре. – Дети – цветы жизни. Тут главное – семена вовремя бросить. Друзья помогут.

– Хорошие у нас друзья, да, дорогая? – Эдик протянул руку, собираясь обвести ею пространство, но так и не сдвинул ее в сторону, на одну только Татьяну и показывал.

Он хотел дружить только с ней. Лишь так и можно было его понять.

Тамара с грустью усмехнулась. Она знала всех его друзей.

Когда-то Эдик водил ее к ним в гости, были встречи с ними в ночных клубах. Тогда он представлял Тамару своей невестой, а сейчас назвал ее женой, но произошло это в какой-то подозрительной компании.

Видимо, настоящих его друзей она недостойна. Наверное, к ним он водит другую девушку, а ее время от времени снимает со скамейки запасных, чтобы пройтись по самому дну жизни. Ясно же, что Ефим неспроста перешел на грязные намеки.

– Да, хорошие, – сказала Тамара. – Только меня сейчас стошнит.

– От друзей? – осведомился Ефим и нахмурился.

– Вообще, – ответила Тамара, резко отодвинула стул, поднялась и сильно качнулась.

Ефим подал ей руку, но принимать его помощь она не хотела и отшатнулась. Хорошо, что под руку девушке попался опорный столб из тех, на которых держалась крыша, иначе она шлепнулась бы на пятую точку.

Она удержалась на ногах, но Ефим все равно поднялся, подошел к ней, взял за руку и заявил:

– Пойдем, я тебя прогуляю.

– Не надо! – резко проговорила Тамара, мотнула головой и вырвала руку.

– Сама пусть немного пройдет, продышится, – сказал Эдик и подсел к Татьяне.

Она зажеманилась, что-то тихо сказала ему.

– Да, пройдуся, – произнесла Тамара и спустилась по ступенькам прямо в некошеную траву, в которой запросто могли быть клещи.

Но сейчас куда больше ее пугала большая жирная пиявка по имени Ефим. Он стоял на веранде и внимательно наблюдал за ней. А Эдик продолжал что-то нашептывать его жене.

У ворот стоял серебристый автомобиль. К счастью, Эдик не догадался запереть его и поставить на сигнализацию. Кого ему тут бояться? Он же к другу приехал, который готов был снять с себя последнюю рубашу. Особенно перед гостьей. Да и жену свою собирался Эдику отдать в обмен на Тамару.

Она закрылась в машине, заблокировала все дверцы с помощью рычажков. Брелок от авто валялся на приборной панели. Было бы неплохо разложить переднее правое сиденье, лечь и уснуть, но Тамара должна была следить за домом, чтобы не прозевать Ефима. Он ведь мог подобраться к машине и разбить стекло. О том, что последовало бы за этим, Тамара даже думать боялась.

Сей субъект не заставил себя ждать, подошел к машине, масляно улыбаясь, попробовал распахнуть дверцу, что-то сказал, но Тамара демонстративно закрыла ладошками уши. Ефим обошел машину, но и с другой стороны у него ничего не получилось. В конце концов он, наверное, понял, что ему и в самом деле осталось только выбивать окна, но, видимо, Тамара еще не довела его до бешенства. Этот тип немного подумал, повернулся и забрел в дом.

Тамара скрипела зубами, глядя ему вслед.

«Почему я не догадалась взять с собой сумочку? – подумала она. – Там у меня среди всего прочего и мобильный телефон. Ситуация обострилась, впору милицию вызывать. Можно было бы и Родиону позвонить. Ради меня он бросил бы все и приехал на выручку. Однако телефона у него точно нет.

Но вот стоило бы просить Родиона о помощи, если бы у меня была такая возможность? Эдик в свое время тоже казался мне благородным рыцарем, но покровы сброшены. Теперь он паршивая свинья, грязный извращенец.

Здесь, в машине, я никак не могу чувствовать себя в безопасности. Стекла не являются надежной защитой от двух этих ублюдков, способных совершить любую мерзость. Надо уходить отсюда, причем прямо сейчас, пока они находятся в доме».

Тамара выскочила из машины, и тут, как назло, на крыльцо вышел Ефим и глянул на нее жадными глазами. Следом за ним там нарисовался и Эдик.

– Я сейчас закричу! – пригрозила им Тамара.

Вокруг дачные участки, дома, в них люди. Неподалеку шумно гуляет какая-то компания. Да и по улице нет-нет да кто-нибудь пройдет.

– Да ладно тебе. – Эдик растерянно глянул влево-вправо, потом посмотрел на Ефима и растерянно махнул рукой.

– Нет, не ладно! Немедленно отвези меня домой!

– Ты же видишь. – Он щелкнул себя пальцами по горлу.
– Принеси мою сумочку и вызови такси.
– Такси, говоришь, да? Хочешь, чтобы тебя водитель изнасиловал? – Эдик похабно ухмыльнулся. – Давай попросим Ефима. У него это куда лучше получится.

– Заткнись!
– Он тебя приласкает, я – Танюху. Мы сами себя развезем, и таксисты нам не понадобятся.

– Какая же ты мразь!
– Да неужто? Так будь выше меня.
– Чего?
– Человеком, говорю, будь! Подари своему мужу право на маленькую шалость.

– Ты мне не муж! – громко сказала Тамара.
– Да Ефим уже в курсе. Он согласен...
– Молчи! – Тамара предупредительно выставила вверх указательный палец.

Она догадывалась, на что согласен был Ефим, и не хотела выслушивать похабщину в свой адрес.

– Он может трахнуть тебя и молча, – заявил Эдик.
– Помогите! – закричала Тамара.
– Все, ладно! – Эдик замахал руками.
– И сумочку принеси!
– Все, все, только не шуми!

Эдик принес и сумочку, и телефон, только вот он почему-то не работал. Аккумулятор сел, а ведь, собираясь в по-

ездку, Тамара зарядила его на все сто. Наверное, этот тип что-то придумал, чтобы оставить ее без связи.

Эдик ушел в дом. Ефим постоял на крыльце, покурил и двинулся вслед за ним. Видимо, он отправился на помощь Эдику, который развлекал его жену.

Тамара осторожно добралась до калитки, которую Ефим не догадался запереть на замок. Нужно было всего лишь снять проволоку, чтобы открыть ее.

Она распахнула ее, вышла на улицу, огляделась. Стемнело еще не совсем, поэтому, надо полагать, фонари и не включались. Или же они здесь и вовсе не работали.

Тамара быстро шла к воротам и смотрела по сторонам в надежде увидеть людей. Если Ефим сейчас бросится за ней, то ей ничего не останется, кроме как позвать на помощь.

За воротами у дома на перекрестке она увидела дородную женщину с цветочком на соломенной шляпке. Тамара бросила взгляд за спину. Никто за ней не гнался. Это успокоило ее. Она поздоровалась с женщиной.

Та в ответ презрительно скривила губы и заявила:

– Иди отсюда! – Эта особа махнула на нее рукой как на законченную шлюху, которая могла зайти к ней во двор и совратить мужа.

Тамара едва сдержалась, чтобы не назвать ее дурой.

«У меня ведь даже волосы не распущены, – подумала она. – Платье самое обыкновенное, не облегающее, средней

длины. Туфли на низком каблуке. Ну да, пьяная немного, качает слегка, но так сегодня июньская суббота, народ на дачах культурно отдыхает».

– Шляются тут всякие! – донеслось ей вслед.

Тамара мотнула головой. Во-первых, она не всякая, во-вторых, за помощью к дачникам обращаться не станет. Еще и крайней останется, если вдруг что.

От дома до ворот было не далеко, метров пятьсот, вряд ли больше. Пока Тамара дошла до них, сумерки окончательно сгустились. Фонарь у ворот зажегся, но очень скоро остался далеко за спиной.

Шоссе вроде бы находилось поблизости. Тамара помнила, как они ехали сюда через лес, не успели свернуть с большой дороги, как остановились у ворот.

Но трасса почему-то никак не показывалась. И слева лес, и справа. С одной стороны – широкая канава, полная воды, с другой – сплошь кустарник, бежать через который удовольствия мало.

А бежать придется. Тамара почему-то была уверена в этом. Поэтому, когда за спиной у нее мелькнули фары, она бросилась в кусты, затаилась там и с запоздалым сожалением подумала о том, что не догадалась пробить колеса машины Эдика. Сейчас он мог гнаться за ней.

Но мимо проехал небольшой грузовичок с фургоном. Он точно не имел отношения ни к Ефиму, ни к его такому же извращенному гостю.

Машина исчезла из вида, и только тогда Тамара почувствовала боль. Оказывается, ее уколола ветка кустарника, а она этого сразу и не заметила, поскольку находилась в состоянии, близком к шоковому. Сейчас можно было облегченно выдохнуть и продолжить путь.

Она выбралась из укрытия, но вместе с ней из-за кустов появился еще кто-то. Человек с шумом ломал ветки, шел параллельным курсом, в каких-то десяти-пятнадцати метрах от нее.

«Это Ефим или Эдик! Кто-то из них шел за мной каким-то коротким путем, наперерез, через лес», – решила Тамара и в панике бросилась назад.

Но этот человек заметил движение, повернул за ней и громко крикнул:

– Стой!

Она узнала голос Ефима, и от ужаса у нее едва не отнялись ноги. Но все же Тамара взяла себя в руки, вспомнила, что у Ефима ожирение. Вряд ли он дружил со спортом, а она находилась в прекрасной форме, постоянно совершала утренние пробежки.

Ефим действительно бежал с трудом, но Тамара уйти от него не смогла. Она оступилась чуть ли не в самом начале пути, подвернула ногу и упала. Девушка поднялась, попыталась бежать, но не смогла. Ефим догнал ее, повалил на влажный наст из перегнивающих листьев, хвойных иголок и скользких веток.

Она лежала на спине, а он сидел на ней и прижимал ее руки к земле.

– Ну вот и все. Отбегалась ты, девочка моя! – Этот негодяй дышал на нее перегаром и брызгал такой же вонючей слюной.

Он очень устал, дышал тяжело. В груди у Ефима что-то булькало, как будто сердце захлебывалось кровью. Тамара очень надеялась на то, что у него прямо сейчас случится инфаркт.

– Твоя девочка сейчас с Эдиком, – прохрипела она, задыхаясь от усталости.

– Вот именно поэтому я и должен трахнуть тебя.

– Это статья. До шести лет строгого режима.

– До десяти, – с ухмылкой проговорил Ефим. – Я тебя с особой жестокостью. Если сама не дашь.

Дыхание его успокаивалось, к нему возвращались силы, но в чувство он не приходил и смотрел на Тамару зло, невменяемо.

Все же она попробовала воззвать к его разуму:

– Ефим, тебе нужно успокоиться.

– А тебе – расслабиться, – заявил он, поднял колено и проткнул его между ее бедер.

При этом Тамара смогла высвободить правую руку и царапнуть его ногтями по лицу.

– Сука! – прорычал этот негодяй и вlepил ей пощечину с такой силой, что у нее потемнело в глазах.

Он тут же с силой прижал к земле ее руки.

– На помощь! – закричала она.

– Никто тебе не поможет, – прохрипел Ефим, срывая с нее трусики.

Тамара сопротивлялась изо всех сил, но помочь себе не смогла. В конце концов он раздвинул ей ноги, стянул с себя шорты.

Ему осталось только втолкнуться в нее, но за спиной у него вдруг появился какой-то человек.

– Мразь!

Родион ударил Ефима по голове с такой силой, что палка в его руке переломилось пополам. Один кусок этой деревяшки упал на Тамару, но разве она могла упрекнуть его в этом?

Ефим обмяк, немощно навалился на нее. Родион тут же схватил его за шею, потянул на себя и стащил с Тамары. Ей показалось, что он хотел задушить этого подлеца или даже сломать шею. Но парень не сделал ни того, ни другого, просто сбросил неподвижную тушу на землю.

Тамара не стала ждать, когда он поможет ей подняться, вскочила, отряхнулась,правила платье. Ефим так и не успел вторгнуться в нее, но все же она чувствовала себя изнасилованной, очень хотела в душ или хотя бы искупаться в реке.

– Ты откуда взялся? – спросила девушка, с благодарностью глядя на Родиона.

– А ты разве не звала меня на помощь?

– На помощь звала.

– А чего он такой тяжелый? – Родион склонился над телом. – Не похож этот фрукт на твоего Эдика.

– Ты что, следил за мной?

Тамара вспомнила, как Эдик вышел из машины, поцеловал ее в щеку, открыл дверь. Знала бы она, чем закончится для нее эта галантность. Видимо, Родион подходил к дому, шел к ней или к Вике, увидел их с Эдиком, взял такси, поехал за ними. А как еще можно было объяснить его появление здесь? Да и не важно, как оно было. Главное состояло в том, что сейчас он находился здесь.

Родион пропустил вопрос мимо ушей, нащупал пульс на шее у Ефима и сказал:

– Вроде живой.

Может быть, он и не был уверен в этом, но Ефим тут же развеял его сомнения. Он вдруг вскочил и побежал от них, не разбирая дороги. Двигался этот гад как-то сумбурно, неосознанно. Так бежит петух сразу после того, как ему отрубили голову, пока не упадет.

Ефим тоже упал. Он на полном ходу врезался головой в дерево, но тут же снова вскочил и побежал. Только его и видели.

– Кто такой? – спросил Родион.

– Я домой шла, а он из леса выскочил. – Тамара решила не вдаваться в подробности.

– Почему я его не убил? – у самого себя спросил Родион.

– Надо было, – сказала Тамара и осмотрелась, даже под корягу заглянула, куда Ефим мог забросить ее трусики.

Не было там ничего. Неужели он унес их с собой? Может, в карман сунул?

– Ты что-то потеряла? – осведомился Родион.

– Не успела, – с усмешкой ответила она.

Действительно, еще бы чуть-чуть, и все.

– А я успел?

– Ты успел.

– Ну и хорошо.

– Хорошо то, что хорошо заканчивается.

– А Эдик твой где?

– И Эдик закончился.

Тамара ничуть не сомневалась в этом. Эдик повел себя подло. Прощать его ни в коем случае нельзя. Да и закончилось у них все уже давно. Просто она не хотела себе в этом признаваться.

– Если где-то что-то заканчивается, то где-то что-то начинается, – с явным намеком сказал Родион.

– Бывает и так. Но не всегда, – проговорила Тамара, качнула головой и глянула на Родиона.

Хороший он парень, даже внешне вполне симпатичный, но что-то не готова она к отношениям с ним. Возможно, ей нужно отойти от Эдика.

– Должно начаться. – Он с надеждой посмотрел на нее.

Тамара не смогла удержаться от благородного жеста, по-

целовала его в щеку, даже рукой провела по спине, а потом спросила:

– Проводишь меня домой?

– К нам домой? – Он посмотрел на нее пристально, не мигая.

– А у нас есть дом?

– Все у нас будет. И дом, и дерево, и сын.

Тамаре вдруг стало не по себе. Сперва с Ефима сорвало крышу, теперь и с Родионом могло случиться то же самое. Она пугливо попятилась от него.

Родион мотнул головой, проникновенно глянул на нее и заявил:

– Я никогда тебя не обижу.

– Я верю, – сказала она, отбросив сомнения.

– Домой?

– И как можно скорее.

Тамара взяла его за руку и повела к дороге. Ей очень хотелось поскорее попасть домой и принять ванну. Но пока без Родиона.

Глава 3

Молва его не обманула. Танюха действительно знала толк в зигзагах любви. Только муж за порог, она сразу же под стол и давай играть на губной гармошке. Эдика хватило ненадолго. Он думал, что все, но Танюха не унималась, переключилась с нижнего дыхания на верхнее и отдалась ему прямо на столе. Вот тогда Эдик впервые в жизни и почувствовал себя чемпионом мира и его окрестностей по сексу. Он ведь и сам задал жару, Танюха взрывалась под ним, как минное поле под пехотной ротой.

Потом Эдик сам лег животом на стол, потому что не в силах был стоять на ногах. Должна была успокоиться и Танюха, но нет. Эта ненасытная дьяволица пошла на третий круг. Она снова оказалась под столом и заставила его скулить от удовольствия. Не думал он, что с бабой можно так долго и дико.

Стрелять уже было нечем, третий круг мог закончиться ничем, но тут вдруг появился Ефим. Свет на веранде не горел, но все равно можно было видеть бешенство в его взгляде.

Глаза навывкате, рот перекошен, голос захлебывается от лютой злобы:

– А я знаю, где эта сука!

Эдик лежал на одном краю стола, Ефим схватился за другой и резко потянул на себя, задрал свою сторону вверх.

Эдик соскользнул со стола прямо на Танюху, которая стояла на карачках с голым задом.

– Я все знаю! – взревел Ефим.

– Где Тамара? – спросил Эдик, пытаясь подняться.

У них был договор, предусматривающий честный обмен. Ефиму достанется Тамара, а Эдику – Танюха. За Тамарой Ефим и погнался. Сказал, что эта сучка от него не уйдет. Эдик даже согласился с ним, хотя и не считал Тамару сучкой. Ну, если только совсем чуть-чуть.

– Убью! – провыл Ефим и пнул его в живот, но Эдик умудрился поймать его за ногу и дернуть на себя.

Падая, Ефим зацепился за перила, стоявшие вокруг веранды, но Эдик с силой оттолкнул от себя его ногу, при этом высоко поднял ее.

– Урод!

Ефим цеплялся за перила до последнего. Он дрыгал ногами, пытаясь ударить Эдика, но все же упал на голову, дернулся и затих.

– Ефим! – Танюха оттолкнула Эдика, бросилась к мужу, склонилась над ним.

– Ничего, проспится и успокоится.

Наконец-то Эдик мог натянуть штаны и застегнуться.

– Ты его убил! – заявила женщина.

– Ну так давай, воскрешай. Ты сумеешь. У тебя и мертвый поднимется.

Танюха закивала, сложила ладони на груди у Ефима, с си-

лой надавила.

– Да не так! – сказал Эдик, усмехнулся, наклонился, подобрал с пола бутылку от шампанского.

Это сейчас Ефим в отключке, а когда очнется, снова полезет на него. А кабан он здоровый. В следующий раз Эдику может не повезти, если не шарахнуть его по голове бутылкой.

Танюха прекратила делать грудной массаж и перешла к дыханию рот в рот.

– Да не туда стараешься! – с явной издевкой проговорил Эдик.

Танюха оторвалась от мужа, поднялась, повернулась к нему и прошипела:

– Ты его убил!

– Ты что, серьезно?

Только сейчас до Эдика дошел весь ужас того, что уже произошло. Он ведь на самом деле убил Ефима. Это срок, самый реальный, а в тюрьме ему не выжить. Там дикие законы, грубые нравы, жуткие люди.

– Ты его убил! – громко повторила Танюха.

Эдик оглянулся по сторонам. Дачные участки маленькие, до ближайшего дома рукой подать. Вдруг соседи услышат?

– Да тихо ты!

– Ну уж нет! – Танюха набрала в легкие воздух, собралась заорать во всю глотку.

В этот момент Эдик и ударил ее бутылкой по голове. Та-

нюха мгновенно вырубилась и легла рядом с мужем.

Но бутылка-то целая, значит, и удар был так себе. Стало быть, ничего страшного с Танюхой случиться не могло. Сознание потеряла, с кем не бывает.

– Эй! – Эдик склонился над ней, приложил ухо к ее груди.

Танюха не дышала, грудная клетка не вздымалась, даже сердце не билось. Но ведь все это могло только казаться ему.

– Давай не будем притворяться! – сказал он.

Но Танюха его не слышала, не реагировала. Тогда Эдик приложил к ее шее два пальца, но не знал, где там артерия, не мог разобраться от волнения. Но вену на руке он нашел, кровь там не пульсировала.

– Танюха, мать твою!

Эдик поднялся, огляделся, вышел с веранды на крыльцо. Где-то вдалеке музыка играла, сверчки на огородах вовсю заливались, но голосов слышно не было. Да и шагов тоже. Никто не звал его, не спешил на подозрительный шум. Хорошо, что правда никому не требовалась.

Он склонился над Ефимом. Пульса у него не было. С Танюхой тоже точно все было кончено.

– Что же делать? – процедил Эдик, пальцами массируя виски.

«Нужно успокоиться, собраться с мыслями, – сказал он самому себе. – Бросить все и уйти? Но соседи наверняка видели мою машину, кто-то мог запомнить номер. Да и меня самого видели.

А еще соседи могли видеть Ефима, когда он в бешенстве возвращался домой. Я занимался любовью с его женой. Ему это не понравилось. Сперва он набросился на нее с кулаками, потом схватил бутылку и ударил жену по голове. Ну да, конечно! Именно так все и произошло».

Только сейчас Эдик заметил, что держит бутылку в руке. Стол был перевернут, посуда валялась на полу. Под Танюхой лежала раздавленная тарелка с едой.

Эдик нашел на полу салфетки, тщательно вытер бутылку в том месте, где держал ее за горлышко, разжал Ефиму пальцы, вложил в ладонь орудие убийства, поднялся и услышал шаги. К дому кто-то торопливо шел. Вдруг Тамара решила вернуться?

Но на крыльцо поднялся совершенно незнакомый человек, мужчина с большой головой на тонкой шее. Он увидел трупы и застыл как вкопанный.

– Я сам в шоке, – тихо сказал Эдик.

Мужик в ужасе шарахнулся от него как от чумного, споткнулся, упал. Хорошо, если убился до смерти. Но нет, он поднялся и торопливо покинул двор.

Эдик вздохнул и потянулся за телефоном. Хочешь не хочешь, а милицию вызывать надо.

Но сначала он позвонит отцу.

Дядя Виталий дал ему и работу, и даже жилье. Его люди отделявали квартиру в Реутово. Родион присоединился

к ним и получил там спальное место. Пусть на полу, на досках, зато не в обиде.

Он хотел показать себя во всей красе, сделать свою работу в ударном темпе, но его вдруг неудержимо потянуло к Тамаре. Парень как будто знал, что с ней может приключиться беда. Да и увидеть ее хотелось – мочи нет. Ну и на Эдика неплохо было бы хотя бы одним глазком посмотреть, узнать что это за зверь такой.

Ему повезло. И деньги у него были, и такси в московский двор вовремя заехало. Водитель понятливым оказался. Очень жаль, что он наехал на гвоздь.

Дорога шла в лес. Это был тупиковый маршрут с дачными поселками на нем. Вот там-то у машины и спустило колесо.

Родион не знал, куда именно Эдик повез Тамару, поэтому обходил один поселок за другим до самой темноты. Он уже потерял надежду, но тут вдруг услышал женский вскрик и чутьем понял, что это Тамара.

И насильника он остановил, и Тамару домой доставил. Она очень спешила, поэтому ему не удалось погулять с ней под луной. Но и на улицу она его не выставила, позвала к себе.

Вика обрадовалась, хотя виду не показала. Она и комнату свою ему уступила.

Теперь Родион лежал в знакомой уже постели. На дворе стояла глубокая ночь, но сна не было ни в одном глазу. Как можно спать, когда где-то рядом Тамара? Он вчера чуть ли

не всю ночь думал о ней, и сейчас она не выходила у него из головы.

Дверь открылась. Родион уже знал, кто это. Вику будто случайно в свою комнату занесло. Опять придется лежать с ней в одной постели, чувствуя себя бревном.

Он закрыл глаза, притворился спящим, но встрепенулся, учуяв головокружительный запах. Волосы благоухали шампунем и духами. Вика тоже могла так пахнуть. Но это была Тамара. Сначала парень почуял ее, только затем увидел.

Она уже переступила порог и медленно закрывала за собой дверь. Ночная рубашка на ней до пят, декольте глубокое, хотя и узкое.

– Не спишь? – спросила Тамара.

– Нет. Лежу, о тебе думаю.

Поворачиваясь на бок, лицом к ней, он потянул на себя простыню. Вдруг она заметит всю силу его мысли?

– Я присяду?

Родион почувствовал себя человеком, у которого сбылась его самая смелая мечта. Но еще могло свершиться и чудо. От этой мысли в душе у парня зазвенели все струны, какие только там могли быть.

Тамара села на краешек кровати. Он поднялся и тоже сел из чувства приличия.

– Ты чего это? – спросила она.

– Так не могу же я лежать, когда ты сидишь.

Тамара кивнула, легла на спину и спросила:

– А так?

Он лег рядом, локтем коснулся ее плеча и завибрировал в ожидании чуда, как медный колокол после удара.

– Я тоже вот о тебе думаю, – сказала она.

– Наши мысли слышат друг друга.

– Думаешь?

– Если бы я позвал тебя к себе, то ты услышала бы.

– Куда позвал?

– Сюда.

– Я услышала. И ты меня услышал. Там, на даче. Я хотела, чтобы ты приехал и забрал меня.

– Я приехал.

– Но я тебе не звонила.

– Судьба позвонила.

– А ведь он мог бы меня изнасиловать. Если бы не судьба.

– Это Эдика друг?

– Не хочу говорить об этих скотах, – сказала Тамара, мотнула головой, и ее волосы коснулись его щеки.

Родион повернулся к ней. Тамара закрыла глаза и улыбнулась.

– Давай это будет нашей тайной, – сказал парень. – О которой я не хочу знать.

Она кивнула, не открывая глаз. Ее улыбка стала еще ярче и светлей.

– Я хочу спросить о другом.

Тамара лежала на спине, но ее бюст не растекался по гру-

ди, и сосок слишком уж соблазнительно проступал сквозь тонкий атлас комбинации.

– Спрашивай, – тихо сказала она.

– Может, я просто догадаюсь?

Внутри у Родиона бушевал ураган, но ведь Тамару наверняка обуревали встречные чувства. Не зря же под сорочкой затвердели соски.

– Догадывайся.

Родион приблизил губы к ее лицу, едва не коснулся щеки. Тамара не открывала глаз. Она, конечно же, все чувствовала и понимала, но даже не пыталась уйти от надвигающегося поцелуя.

Губы у нее без помады, но природный их цвет такой заманчивый, сочный. Родион понял, что не простит себе, если упустит возможность попробовать их на вкус.

Он оказался невероятным, головокружительным, пьянящим. Да и сама Тамара пахла как розовая клумба посреди макового поля.

– Догадался, – прошептала она, когда он оторвался от нее, чтобы вдохнуть воздуха.

Сердце парня колотилось в груди как после скоростного забега на длинную дистанцию, кровь требовала кислорода.

– Во сне чего только не бывает, – проговорил он.

– Во сне? – Она открыла глаза, с улыбкой глянула на него.

– Такое только во сне бывает.

– Ну и ладно. Тогда спи, – прошептала Тамара и снова

закрыла глаза.

Родион опять поцеловал ее, потом осторожно просунул пальцы в декольте и нащупал вожаделенный сосок. Почему бы и нет, если она разрешила ему спать? С ней!

Какое-то время Тамара лежала без движения. Родион распался. Она вильнула бедрами, когда он взялся за нижний срез рубашки. Само ее тело требовало освобождения от одежды.

Он уже задрал ее сорочку, обнажил бедра, когда дверь вдруг открылась как будто сама по себе.

Тамара встрепенулась, вскочила, села, оправила комбинацию.

– Это Вика, – громко сказал он.

– Это судьба, – поднимаясь на ноги, сказала Тамара.

Родион думал, что она всего лишь хочет закрыть дверь, но нет, девушка вышла из комнаты.

– Всыпать бы ей ремня, – тихо, но с досадой сказал он, когда за ней закрылась дверь.

Планка настроения опустилась, но в тоске не утонула. Вика всего лишь сломала этот момент, первый, но ведь не единственный. Жизнь продолжается. Такое обязательно повторится. В следующий раз Родион своего ни за что не упустит.

Отец задерживался. Может, он и не собирался приезжать. Зато адвокат не заставил себя долго ждать и не позволил следователю отправить Эдика в участок. Ведь его подзащитный всего лишь защищался от взбесившегося монстра.

Следственно-оперативная группа заканчивала работу. Эдик сидел в машине. Адвокат Шахов крутился вокруг дома, ходил туда-сюда, всматривался, вслушивался и со свидетелями общался, без которых, само собой, не обошлось.

Наконец-то подъехал отец.

Эдик вышел из машины и услышал:

– Ну и что тут?

Отец – мужчина рослый, тяжеловесный. Черты лица неправильные, но женщинам он нравился, хотя и не пользовался этим. Для него существовала только мама. Эдик даже не представлял, как можно прожить всю жизнь с одной женщиной, когда есть деньги на разгул и разврат.

– Я же говорю, убийство, – ответил Эдик и уныло вздохнул. – Ефим совсем с катушек слетел.

Поздно уже, далеко за полночь, в машине тепло, а на свежем воздухе зябко. Да и спать охота.

– Кто такой Ефим?

– Да это не важно, – отмахнулся Эдик.

– Сейчас все важно, – заявил отец и тяжело глянул на него.

– Сейчас все важно, – слово в слово повторил Шахов.

Сам худощавый, subtilный, с явной претензией на интеллигентную внешность, но голос у него густой, звучание твердое.

– Меня с ним Дима Фомин познакомил.

– С кем ты был у Сбитнева? – спросил Шахов.

Отец кивнул, подтверждая важность этого вопроса.

– С Тamarой был. Ты ее знаешь.

– Хорошая девочка, – сказал отец.

Ему действительно понравилась Тамара, он даже сказал, что именно такая женщина Эдику и нужна. Тогда у него и возникло чувство, будто родители навязывают ему Тамару. Может, поэтому он и охладел к ней.

– В плохой компании, – сказал Шахов.

Эдик встрепнулся и проговорил:

– Вовсе нет. Вполне нормальная компания. Перебрали мы чуток. Ефим ушел, а Татьяна его шасть ко мне. Давай, мол, развлечемся.

– Куда он ушел?

– Ну, куда...

– Тамара где?

– Она ушла.

– Куда ушла?

– Не знаю. Ефим приставать к ней стал, она психанула.

– С этого и нужно было начинать, – сказал следователь.

– Где она сейчас?

– Дома, наверное.

Эдик звонил Тамаре, но мобильник у нее был разряжен. Чуть позже он набрал ее домашний номер. Она взяла трубку и бросила ее, услышав его голос.

– Наверное?

– Дома она. Просто разговаривать со мной не хочет.

– Почему?

– Не знаю.

– Возможно, Сбитнев занимался с Тamarой любовью, – сказал Шахов.

– С чего вы взяли? – Эдик недовольно глянул на него.

– Любовь. По обмену, – уточнил адвокат.

– По какому еще обмену? – скривился Эдик.

– Вы со Сбитневым поменялись женщинами.

– Кто вам такое сказал?

– Соседка нагадала.

– Нагадала?

– Близко к тексту. В протоколе.

Эдик не знал, что сказать. Ну да, он для того и приехал сюда, чтобы трахнуть Танюху. Дима Фомин очень ее хвалил, причем совершенно не зря. Но что в этом такого? Тамара ему не жена.

– Ну, допустим. Секс у нас не наказуем.

– Даже если он свинский, – сказал Шахов. – Дело тут в другом. Если Сбитнев сам подсунул вам свою жену, то зачем ему на нее бросаться?

– А если белка на него наскочила?

– Возможно, Сбитнев занимался с Тamarой любовью, – повторил адвокат. – Но не исключено, что он ее изнасиловал.

– Не знаю, я свечку не держал.

– Соседи держали. Они видели, как Сбитнев прыгал вокруг Тамары. Она пряталась от него в машине, а потом сбегала.

– Не знаю.

– Возможно, Сбитнев ее догнал. Это могло вас взбесить.

– И что?

– Ты не мог убить этого козла из-за своей девушки? – вроде бы и не презрительно, но резко спросил отец.

– Да она не моя девушка. Мы с ней почти расстались.

– Но вы, Эдуард, предложили ее на обмен Сбитневу. Вопреки согласию Тамары. Это называется сводничеством, молодой человек.

– Это всего лишь домыслы.

– А если Тамара их подтвердит? – спросил отец. – Или опровергнет?

– Не знаю, – пробурчал Эдик.

– Она точно дома? С ней действительно все в порядке? – Отец смотрел на него с укором и подозрением, как будто они с Ефимом съели Тамару, а кости закопали.

– Да в порядке. Я звонил.

– Докажут сводничество или нет, дело не только в этом, – сказал Шахов. – Оно еще и в мотивах. Во-первых, Эдуард мог приревновать Сбитнева к Тамаре. Во-вторых, если Тамара сбежала, то Сбитнев мог расценить это как обман. У него вообще ничего с Тамарой не вышло, или же он совершил преступление, чтобы получить свое. В то самое время, когда Эдуард занимался любовью с его женой.

– Да, но набросился он не на меня, а на Танюху.

– Взял бутылку и ударил ее по голове?

– Сначала поднял стол, под которым Танюха пряталась, – с ухмылкой проговорил Эдик. – Ну да, пряталась от него. Для меня.

– Значит, бутылку он поднимал с пола?

– Ну да.

– Поднял, ударил?

– Ударил. А я его толкнул.

– И он неудачно упал, – проговорил Шахов.

– Неудачно.

– Как он падал?

– Рукой за перила зацепился.

– Какой рукой?

– Правой.

– А бутылку он в какой руке держал?

– В правой.

– Как же он тогда за перила цеплялся?

– Значит, не цеплялся, – нахмурился Эдик, недовольный столь опасной нестыковкой.

– Я видел эти перила, на них свежая краска, – заметил Шахов. – Там пальчики могли остаться. Если так, то эксперты должны были их снять. Они отработали на совесть, я видел.

– Как же Сбитнев за перила цеплялся? – спросил отец, с нервным волнением глядя на Эдика.

Он, может, был и не самого лучшего мнения о сыне, но тюрьмы ему точно не желал.

– С бутылкой в руке цеплялся, – пробурчал Эдик и пожал

плечами.

– Поэтому он и развернул ее, – сказал адвокат и мотнул головой так, как будто не соглашался с версией, предложенной им самим.

– Куда развернул?

– На сто восемьдесят градусов. Вокруг продольной оси. Он ударил свою жену одной стороной бутылки, а держал ее так, как будто бил другой. Я же говорю, эксперты работают быстро и грамотно.

– И что это значит? – спросил отец.

– Да то, что бутылка в руке у Сбитнева могла появиться уже после убийства. Надеюсь, там нет ваших пальчиков? – Адвокат не просто посмотрел на Эдика, он как будто влил в его душу через глаза струю ледяной воды.

– Откуда там мои пальчики? – От волнения у Эдика задрожали коленки.

– Боюсь, что у следователя к вам будет очень много вопросов.

– Я тоже этого боюсь, – сказал отец. – Но вы же адвокат.

– Но не бог!

– Да, но я плачу вам как богу, – заявил отец, глядя на Шахова.

Адвокат не советовал ему отказываться от сына. Впрочем, тот и не собирался этого делать.

– Я должен знать, как все было на самом деле, – сказал Шахов. – Тогда мы сможем выработать и выпрямить единую

линию.

– Тамара убежала, Сбитнев погнался за ней, мы с Татьяной занялись любовью. Появился Сбитнев, набросился на меня, я его толкнул, он упал. Танюха склонилась над ним, сказала, что я его убил, собралась закричать. А у меня бутылка в руке. – Эдик зажмурил глаза, как смертник с петлей на шее.

Сейчас палач выбьет из-под его ног табуретку, и все.

– А Сбитнева ты сколько раз ударил? – спросил адвокат.

– Да не бил я его, он сам ударился. Я всего лишь его толкнул.

– Откуда у него тогда еще две раны на голове?

– Не знаю.

– Тамара могла его ударить?

– Не знаю.

– Нужно выяснить. Она должна рассказать, как все было, – сказал Шахов, перевел взгляд на отца и добавил: – Но не упоминать об обмене женщинами. Не было ничего такого. Эдуард даже не знал, что она ушла. Он развлекался с Татьяной без ведома ее мужа. Сбитнев приревновал жену.

– Я вас понял, Юрий Давидович. Тамара скажет все, что нам нужно.

– А Татьяну Сбитневу убил ее муж, – произнес Шахов. – На том и стоим.

– Твердо стоим, – подтвердил отец.

– Это по нашу душу.

Шахов смотрел на человека, который приближался к ним со стороны дома. Это был следователь. Он явно собирался допросить Эдика. Коленки у него уже не просто тряслись, они подкашивались от страха. Даже присутствие адвоката не успокаивало этого мерзавца.

Но все же Эдик кое-как сумел взять себя в руки. Он очень уж не хотел садиться в тюрьму.

Глава 4

Мужчины по своей природе – охотники на женщин. Тамара прекрасно понимала это и очень жалела о том, что свои ружья они не оставляют дома, несут их на работу. Иногда в штанах.

– Тамара, ты должна была подумать над моим предложением, – сказал Мигайлов.

Он с удовольствием расчехлил бы свое ружье, но Тамара не давала повода для этого. Однако привычные охотничьи приемы Мигайлов в дело уже пустил, приложил пальцы к ее шее, собираясь массировать воротниковую зону.

– Александр Павлович, идите к черту, – тихо, даже с милой улыбкой сказала она.

– Не понял.

– Не нужно мне от вас ничего, – заявила Тамара, вздохнула и поднялась.

Она готова была заслужить повышение, но не в постели, как это часто бывает в таких случаях. Значит, не видать ей должности начальника отдела. Мигайлов запросто мог и вообще уволить ее за непослушание. Что ж, она была готова к этому.

– Мне от тебя нужно, – сказал начальник, встал у нее на пути и собрался раскинуть руки. От него не пахло спиртным, но глаза были пьяные, а взгляд такой же шальной, как

у Ефима позавчера. Может, нюхнул чего-то чересчур крепкого, а Милочки на месте не было, не с кем оказалось спустить пар.

– Александр Павлович, вы же раньше таким положительным были. Что с вами случилось?

Оскотинился Мигайлов. Тамара была близка к тому, чтобы сказать ему об этом в лицо.

– Я и сейчас положительный. Хороший оклад тебе положу.

– Мне хватает.

– Тамара, ну давай ты не будешь, – выдал Мигайлов и скривился. – Я знаю, что ты девочка честная и порядочная.

– Как же вы мне все надоели! – резко проговорила Тамара.

Пространство вокруг Мигайлова оставляло место для маневра. Тамара резко сдала в сторону, пошла в обход. Она уже собиралась открыть дверь, когда он схватил ее за талию, притянул к себе.

– Я сейчас закричу! – шипящим голосом пригрозила она.

Родион на помощь ей прийти не мог, да она на него и не рассчитывала. Сейчас вся надежда оставалась только на себя.

– Кричи! – заявил Мигайлов и мерзко хохотнул.

Он не верил, что Тамара осуществит свою угрозу, а она взяла и крикнула:

– Помогите!

В этот момент дверь стала открываться. Неужели Родион?

Но в кабинет вошел Эдик. Вот уж кого Тамара не хотела видеть.

– Эй, что за дела? – возмущенно протянул он.

Мигайлов разжал руки. Тамара отскочила от него, на ходуправила юбку с завышенной талией.

– Ты кто такой? – Мигайлов смотрел на Эдика зло, но с осторожностью.

Видно же, что полет у этой птицы не самый низкий. И холеный он, и одет хорошо. На стильном блейзере висит невидимый бейджик, на котором при желании можно прочесть: «Мальчик-мажор».

– Да я-то жених!

– Ну и пошел отсюда, жених! – заявил Мигайлов.

– Да я тебя!..

Тамара не знала, что на Эдика нашло, но на Мигайлова он набросился со всей серьезностью человека, готового постоять за свою женщину. Только вот Мигайлов почему-то не захотел становиться мальчиком для битья. Одной рукой он оттолкнул Эдика от себя, а другой ударил его точно в подбородок.

Эдик сел на пятую точку, потер челюсть, глянул на Тамару и вскочил на ноги.

– Ты хоть знаешь, на кого наехал? – спросил он, вскинув правую руку для удара.

– Это ты наехал, пацан. – Мигайлов дыхнул на свой кулак, как на гербовую печать перед ее использованием.

– Ты к моей невесте приставал!

– Повезло тебе с невестой. Все, давай!

Мигайлов резко шагнул к Эдику, схватил его за рукав и вытолкнул за дверь. Как будто щенка за порог вышвырнул.

После этого он с насмешкой победителя глянул на Тамару и заявил:

– Ты тоже свободна!

Она кивнула и вышла из кабинета.

– Иди работай! – донеслось ей вслед.

Еще девушка услышала, как захлопнулась за ней дверь.

В приемной никого не было. Секретарша Милочка не могла насладиться растерянностью Эдика. Зато Тамара смотрела на него с ироничным восторгом. Какой же он жалкий и ничтожный, этот сосунок.

– Он еще узнает! – сказал Эдик, оправил пиджак и погрозил кулаком закрытой двери.

– Давай дерзай, – с усмешкой сказала она и вышла из приемной.

Эдик бросился за ней.

– Эй, ты куда?

– Работа у меня.

Тамара еще не знала, нужно ли ей увольняться или нет, но сейчас уходить домой было глупо. Пусть сначала Эдик исчезнет.

– Так это у тебя рабочий момент был?

– Тебя это не касается!

– Да ну?

– Ты для меня умер!

– Умер Ефим.

– И он тоже.

– Он по-настоящему умер!

Тамара остановилась, резко повернулась к Эдику:

– Как умер?

Она помнила, как Родион ударил его по голове. Вдруг эта травма стала для него смертельной?

– Как-как. Ты его ударила.

– Я ударила?!

– А к тебе из милиции не приходили?

– Может, ты шутишь? – спросила Тамара и с подозрением глянула на Эдика.

Разве можно было верить этому недоумку?

– Да я-то, может быть, и шучу. А вот Земелин нет, – проговорил Эдик и полез в карман.

– Кто Земелин? Это Ефим?

– Следователь Земелин. – Эдик достал из кармана бумажку, развернул ее и протянул Тамаре. – Повестка на завтра.

В бланк действительно вписана была фамилия Земелин. Читать все Тамара не стала, но на печать обратила внимание.

– Я не била Ефима. – Она отрицательно мотнула головой.

– И я его не бил. Просто уронил. А он упал на голову. Вот и все.

– Когда ты его уронил?

– Машина у входа. Я тебя жду. – Эдик посмотрел на Тамару так, как будто убеждался в том, что заинтриговал ее, и повернулся к ней спиной.

Да, он ее действительно заинтриговал. Уже через пять минут она сидела у него в машине.

– Ты же не можешь работать в этом бардаке? – сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Не знаю.

– Начальник пристаёт.

– Да, что-то на него сегодня нашло, – сказала Тамара и поморщилась.

– Ты красивая. На всех находит. На Ефима нашло. На меня может найти. – Эдик протянул к ней руку, как будто собирался накрыть ладонью ее коленку.

Тамара сдвинулась к самой дверце, но Эдик положил руку на рычаг переключения скорости.

– Ты и правда красивая. – Он почему-то смотрел в салонное зеркало с таким выражением лица, как будто видел Тамару и любовался ею.

Но ведь он не мог ее видеть. Она точно это знала.

– Так что там с Ефимом произошло? – осведомилась девушка.

– А с твоим начальником?

– С начальником ты не справился.

– А он мог бы с тобой справиться.

– Хорошо, ты мне помог.

- А Ефим с тобой справился?
- Нет. Но все равно я должна тебя убить.
- Не справился?
- Нашелся добрый человек.
- Кто такой?
- Не важно.
- Ну, если он ударил Ефима, то важно.
- Он ударил, и что?
- Возможно, он и есть настоящий убийца.
- Почему мы стоим? – спросила Тамара.
- А надо куда-то ехать? – Эдик продолжал смотреть в зеркало заднего вида.
- К следователю.
- Хочешь сделать признание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.